

**Я на
ЖЕМОЙТЕЛИТЕ**

*Не успевают
яблоки
созреть*

Стихи

**«СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»
ПЕТРОЗАВОДСК**

Публикуется в авторской редакции

Художник

Виталий Наконечный

Первое представление стихов, которые вошли в этот сборник, состоялось в сентябре 2004 года в передаче Радио Карелии «Поэтическая мозаика». Яна Жемойтелите назвала тогда и день рождения первого стихотворения: «10 февраля 2004 года я услышала ритм. Точная дата. Это было всё равно, что идешь по улице — и вдруг на тебя обрушивается ливень...»

Годом раньше в другой радиопередаче «Разговор с прозаиком о поэзии» я спросил её:

— Вы безнадежный прозаик? Или?..

— Да. Я безнадежный прозаик.

И вдруг... Да нет, не вдруг. Поэзией, будущими неизбежными стихами дышали её рассказы, романы — вся её такая образная проза.

... Строки, навеянные путешествием на Украину: неожиданно и дружно рифмующиеся русские и украинские слова... Будоражающая душу ветка малины, весь день плетущая под ветром тайные свои письмена... Но-стальгическое воспоминание о далёком уже советском детстве... Невесть как медитационно растревоженная в памяти глухая карельская станция Кочкома... Трепетно поведанная история старого «зэковского» одеяла со штемпелем ББК... И будто върывающаяся из-под спуда пронзительная любовная лирика, что «жжёт, как глоток горячего вина»... Видно, у автора в самом деле «было чрезмерно счастья нынешним утром» и «так быстротечен, так искренен вечер», чтобы не могли не появиться эти стихи.

В поэзии, как и в прозе, Яна Жемойтелите ни на кого не похожа. Лирический дар её уникален. И потому стихи её сразу привлекли внимание читающей публики. Они уже увидели свет в журналах «Север» и «Carelia», «Российский колокол» (Москва), в альманахе «Поэзия-2005» (Москва), вошли в антологию поэзии Карелии «Дерево песен».

Теперь все эти самобытные стихи собрались под одной обложкой в книге, которой уготовано достойное место в поэтической рубрике России.

Александр Валентик, член Союза писателей России

ISBN
978-5-904478-08-7

© Яна Жемойтелите, текст, 2010
© Виталий Наконечный, оформление, 2010
© Союз молодых писателей «Северное сияние»

... То лето было не лето
и не осень, и не зима, и не весна
и не лето, и не осень, и не зима, и не весна
и не лето, и не осень, и не зима, и не весна

Не успевают яблоки созреть

... и не лето, и не осень, и не зима, и не весна
и не лето, и не осень, и не зима, и не весна
и не лето, и не осень, и не зима, и не весна
и не лето, и не осень, и не зима, и не весна

Вы курите — большой и робкий у окна.
Нет, ни малейшего оттенка страсти.
Одно небрежно кинутое «здрасьте»
Жжет, как глоток горячего вина.

Бегу по лестнице, спасаясь от молвы.
Глядите вслед? А я почти ослепла.
Вот обернусь...

Дымится кучка пепла,
Где пять секунд назад стояли вы.

Белесым глазом пялится окно,
Раздетое весной, на птичьи игры.
И я перегорю. Простите. Стыдно.
Не стыдно, нет. Смешно.

Смешно.

Смешно.

В зеркале, подернутом пылью,
В свете сумасшедшего дня
Трепетно и зыбко застыла
Женщина по имени Я.

Прорастет тоска голубыми
Тайниками глаз февраля.
Неужели вы не любили
Женщину по имени Я?

Так уж ли постыдно влюбиться
— все равно ославит молва —
И шептать бессвязной молитвой
Темного признанья слова?

Разве вам хотелось иначе?
Почему, тоски не тая,
У слепого зеркала плачет
Женщина по имени Я?

Отболит и это, наверно,
Напоследок пыхнет углем.
Кстати, вам никто не поверит
В то, что не любили ее.

Вы звоните не мне — своему одиночеству.
Это в рамках приличий, достойно вполне.
Говорите мне “вы” и зовите по отчеству,
Всякий раз обращаясь, увы, не ко мне.

Не питаю надежды протяжными зимами.
И сомнений, представьте, по поводу нет.
Просто столько всего с вашим связано именем...
Почему ж до сих пор вы звоните не мне?

Я по голосу чувствую — мудрого, старшего
Человека не будет теплей и родней.
Так позвольте испытать одиночества вашего
И хоть раз позвоните, пожалуйста, мне.

Не успевают яблоки созреть.
 Кажется, только наберутся сока,
 А там сентябрь, потом зима и смерть.
 Вот так: несправедливо и жестоко.

Как яблоко взирает на меня
 Доверчиво, своим зеленым глазом!
 Как будто Еве-матушке родня,
 Губительной отмечена заразой,

Я жажду падать вниз. А как иначе?
 Отравленные знанием плоды
 Упрямо наливаются на даче,
 Но вдруг — зима и смерть. И сад застыл,
 Прихваченный в мороз, немой и яркий.

И всякий раз какой-то женский стыд,
 И холодно, и яблоки так жалко!

Нет, теперь впереди только осень и снег.
 И насмешки.

А стоит ли дальше так жить?
 Грех унынья, оправданный, впрочем, вполне,
 Если прошлую жизнь без конца ворошить.

Там плевки поцелуев, разящих вином,
 Послевкусие, горькой любви атавизм,
 Пережитки надежды...

Не все ли равно?
 Неужели оно называется «жизнь»?

На задворках любви прорастают цветы
 Среди сорной травы, среди мертвых камней,
 Там манящие маки разинули рты
 И безмолвно поют в утешение мне.

Там гуляют собаки стоголазой толпой.
 Удивительно нежно глядят на меня
 Кобели,

увлекая хвостом за собой,
 Чтоб остатки любви
 до конца разменять.

А какая-то сучка, чей жалкий живот
 Обреченно исполнен хвостатых ребят,
 Материнского счастья безропотно ждет.
 Почему столь же просто не радуюсь я?

Ах, как медленно падало зеркало.
И не смея поднять глаза,
И невысказанно фразы коверкая,
В оправданье ты что-то сказал.
Не разбилось, серебряным озером,
Безмятежное, на пол легло,
Ночь сочилась белесым молозивом,
Пробивая седое стекло.
Равнодушное, мудрое — зыркнуло
Оком божьим на глупых людей,
Что смотрелись друг в друга и — в зеркало.
Невозможное зеркало,

где

Были мы неразлучны по-прежнему,
Как в далекие первые дни,
В горе, в радости — бедные, нежные —
Глубоко в отраженьи.

Одни

Рамкой старого зеркала связаны,
В обручении одним серебром —
Разлюбившие, несуразные,
Растерявшиеся.

Ребром

На комод водруженное зеркало
Как свидетель всех мелочных склок
И любовей — померкло, отсверкало,
Опрокинув в себя потолок.

Николаю Клюеву

К чернобровому, ясноликому
Напущу тридцать девять стай,
Чтобы лебедем ты покликивал
И не есть и не пить не стал.
Пересохнут уста любезные —
Без моих поцелуев да
Как оковы вокруг железные
Будут руки мои тогда.
И зубастее зева щучьего,
И надежней любых замков,
И страшней заклятия лучшего
Будет силушка этих слов.
Ярче месяца, слаще патоки,
Крепче самых тугих камней.
Вот как дверь притворяется натуго,
Приклоняйся и ты ко мне.

Губы, розой распахнутые поцелую.
Все равно потом больно, больно!
Я тебя м`илую или мил`ую —
называй как знаешь. Довольно
с нас намеков на то, что, может,
между нами однажды...

Губы,
розой распахнутые поцелую, ложный
стыд от поспешно-грубых,
от похабных твоих объятий.
И потом еще — губы, губы!
И поспешно снятое платье.

Там какое-то августа от конца отсчитать,
загустевшее, жадное... Без стыда запивать
алкоголем соленое послевкусие слов.
Сбита пена.

По памяти отпечатки голов
на подушке истерзанной, неживой простыне,
простодушное, нервное: «Ты вернешься ко мне?»

Сергею Есенину

Два бокала «Кровавой Мэри».
 Денег хватит еще с лихвой.
 Ну, отвесила в полной мере
 Что хотела? Да с головой
 В кровь и водку с щепоткой перца —
 Налакаться, рыдать без слез.
 Может, выдернется из сердца
 Сам собой застарелый гвоздь,
 Что в народе зовется страстью?
 Как же больно! Налей! Налей!
 Хищно щерится красной пастью
 Мой бокал на пустом столе.
 Как комар, от крови пузатый,
 Нежным барышням не чета.
 И виляет развратным задом,
 Удаляясь, моя мечта.

Взлететь. Заблудиться.

Да что там иные таланты —
 Себя позабыв в ослепительно белом бреду,
 На цыпочки встала и будто на шатких пуантах
 По пр`остыне снега к тебе осторожно бреду.

Приподнятость тела

и губ запрокинутых смелость,
 И стылое небо, и не было смысла в словах
 И ах! —

как по-девичьи, жадно-то как, неумело
 Я, стоя на цыпочках, стала тебя целовать.

Опомнилась. Боже!

И целой ледовой армадой
 Продрогшие лотосы в темной глухой полынье
 Глядели с укором, как очи подводного ада,
 Немые свидетели гибель пророчили мне.

Боже, что нам такое дорога явила?
Белый рай, занесенный по самые кровли.
Тишина, только веток корявые вилы
Расцарапали небо почти что до крови.

На развилке табличка серьезно вещает,
Что мы прибыли в пункт назначенья к сроку.
Мы в раю, без сомненья, со всеми вещами.
На сосне бестолково стрекочет сорока,

Мол, приперлись с тележкой треклятой любви
Да с корзиной зеленых и сморщенных яблок,
С банкой меда с нечаянным привкусом боли...
Я перчатки забыла. Как руки озябли!

У тебя в рюкзаке есть бутылочка бренди?
Молодец, прихватил. Ты хоть знаешь ли,
 где мы?
А, давай из горла! Чтоб от счастья
 не сбрендить,
Чтоб еще постоять на пороге Эдема.

Должно остаться три четверостишья
И, может, фотография одна.
Потом, еще — в нагрянувшем затишье
Тоска, избередившая до дна.

И будет мертвой ласточкой на память
Последнее письмо из пресных фраз.
И мять его, и жадно так дыривить
Глазами, целовать в двадцатый раз.

Еще взглянуть: в углу оставлен веник,
Разбита чашка... Почему, зачем?
А дальше — будет полное забвенье.
И пустота. И ничего — взамен.

Любви моей трепещущее тельце
я резала нарочно без наркоза,
кромсала в кровь. Но куда мне деться
от крика жертвы. Поджимают слезы.
И проткнутый безжалостным зубилом
раскаянья, так день нелепо кончен,
как будто я ребеночка убила,
а врач сказал: «У вас не будет больше».

Солнечный луч.

Все прозрачнее, легче
в раме оконной светопись дня..
Ранняя осень все-таки лечит,
лучше лекарства лечит меня.
Ранняя осень блаженная близит
белое время.

Рябиновый цвет
ста языками улицу лижет,
в раннюю осень вплетая сюжет,
где я сама и светлее, и больше
слухов, смеюсь над залапанной так
ложью...

Но в луже по-новому больно
призраком блеклого лета искать
солнечный луч.

Наказанием лучшим
служит слепая лучина зимы.
В телосплетенье белых излучин
теплимся?

Будем?

Безумные

мы.

Вот и осень. Хандрить и работать из чистого долга,
 На досуге листовая измученный томик стихов,
 Не желать ничего, кроме отзвука памяти долгой
 И на мокрой земле листопада суровых мазков,
 Написавших прощанье. Перрон,

где мерцающим клешем

Льет белесый фонарь неживой электрический свет.
 И, пытаясь обнять, ты на ухо шепнешь,

что вернешься.

Через год, через век. Только я-то ведь знаю,
что нет.

... И в искренность сентября,
 В течение постылых буден
 Вернуться, искать тебя?
 Нет, больше тебя не будет.
 О, искренность сентября!
 Ведь можно и не вернуться.
 Вот: ветер дождем набряк
 И вылился в лужи-блюдца,
 Упрямо одно твердя:
 Что в желтых квадратах окон
 Не будет тебя, тебя...
 И месяц белесым оком,
 Подернутым пеленой,
 Едва держа равновесье,
 Нахально следит за мной.
 И ветер на грудь повесит
 Осинный яркий лист —
 Медаль за смешную верность.
 Не будет! — в издевке чист,
 Метнется порывом нервным.

Еще я буду вспоминать
Все то, что с нами не случилось,
Не склеилось, не просочилось.

Чужой вокзал и города,
Где мы не жили никогда,
И светлый домик у воды,
Лизавшей ласково следы,
Которых мы не оставляли.

Все то, что не случилось с нами,
Еще я буду вспоминать
Как лучшее из этих дней,
Подаренных судьбой не мне.

Сквозь «никогда» и благодать
Соленой капли на щеке
В моем затерянном мирке
Еще я буду вспоминать

Стихи, что так и не приснились,
Что некогда случились с ними,
Не с нами. Только погоды:
Ведь остается впереди
Все то, что с нами не случится.

И неизвестные страницы,
Листая вспять — опять, опять,
Еще я буду вспоминать.

Что остается? Осень,
Грянувшая на днях.
Все ли тот запах сосен
Бродит в твоих кудрях?
Лягу лицом в подушку,
Только не надо слез.
Чувствую прелый, душный
Запах твоих волос,
Легкий прибрежный ветер,
Лодочной снасти звяк.
Где ты теперь? Ответит
Только сырой сквозняк.
Осень таит простуду,
Хватит платок марать.

Я ни за что не буду
Наволочку стирать.

Учит жить. Я ученая. Впрочем... да кто его знает!
Мы ровесники — только количеством прожитых зим.
Что-то мерзко холодное, доля неистово-злая
Проскользнула в середку змеей, заневестилась с ним.
Мне куда ж? Просто женщина. Так, заурядная баба.
Непохожа с лица, а по сути — болванка одна.
Видно, крыша моя основательно съехала набок,
И в расщелины глаз, вечно пьяная, смотрит луна.

Где-то в памяти темной
до рыданий родной
ты — наивный и стремный,
горемычный и злой,
бессеребренник жалкий,
туз козырный подчас.
Так отчаянно, жарко
смотрят голуби глаз.
Голь безумных лобзаний
в бездне будней болит,
будто мне в наказанье.
До конца не испит
образ, временем вобран.

Нет, ничуть не померк
ты — мой светлый и добрый,
мой плохой человек.

Сафо

Не вспоминать те губы
 Некоторое время,
 Голос твой странно грубый
 И, не послушный гребню,
 Локон — тугой, упругий,
 Падающий на темя.
 Не вспоминать те руки
 Некоторое время,
 Смех на высокой ноте,
 Дерзкий, немного нервный,
 Будто стрижи в полете.
 Полно, не мне же первой
 Брошенной быть, постылой.
 Лучше отрезать сразу,
 Не вспоминать, мой милый,
 Юный, зеленоглазый...

Бросил безумный кольцо, кровью запекся рубин.
 Вместо меня топором платье в куски порубил.
 Из-под заплаканных век лезет могильная мгла.
 Господи, се человек! Если бы я так могла!

Там, где воды несет река
И уже появились цветы,
И звенят небеса, там — ты,
Как отрезан по шву рукав,
Ах, назад нам пришить кабы —
На живую хоть, кое-как...

Тут у нас только пыль да голь.
Ни травиночки не сыскать,
Ни паршивого мотылька,
Сколько боженьке ни глаголь,
Ни гаси алкоголем боль —
Пустота, пустота в руках...

Ну, и где твои руки, ответь!
Только ветер грядущей зимы
Резко хлещет лицо мне
в больной и нелепой обиде,
Только столб телеграфный
скелетом надежды отмыт,
Но глаза впереди —
ну, ни тропочки божьей не видят.

Хорошо обернуться назад:
там светло и заметны углы,
Виноватых искать
до смешного и умно, и тонко.
Мы сгорели давно.
Мы — лишь кучки белесой золы
Или снег, испепренный следами
чужого ребенка.

Как будто жили вместе
лет двести,
на крыльце
на прощанье поцело-
вались,
режа друг другу рот
страдающими губами.
Глупое счастье таяло на лице,
по целой
глыбе отваливалось,
сбегало с губ, и вот —
рассыпалось
у меня под ногами!

И только вороны хохотали,
и голуби горланили трубно
и жадными клювами хватили
лепестками осыпавшиеся губы.

Кажется, опоздала

Мама вблизи не видит строчек суровый чет,
к кофточке пришивая круглый воротничок.
Мама насупит брови, щурится, на глаза
тень набежит слепая...

Лет пятьдесят назад
воротнички такие модницы всех мастей
с шиком большим носили. Круглые, без затей.
Выкройки пожелтели, скрюченные, в пыли.
Мало осталось в мире жалости и любви.

В мире, где нынче моду не разберет сам черт,
мама рукой нетвердой круглый воротничок
к вырезу нежно лепит. Будет еще форсить
в кофточке столь нелепой.

Что-то на фа-ре-си
так напевает тихо. Ах! — уколов слегка
палец, прервет работу... Слышно издали,
как за рекой усталый колокол робко бьет.

Что-то она доскажет?

Что-то еще дошьет?

Мама, ответь, мы там счастливы были —
Шесть пятилеток назад?
Бедные дети великой и сильной
Родины. А за глаза —
Просто совки, пионерское племя,
Внуки в семье Ильича.
Мы же не знали, что проклято время,
Нас породившее. Час
Пробил в отчаянном пьяном надрыве...
Нищие духом в мечтах,
Мама, ответь, мы там счастливы были —
В нашем потерянном «там»?
Счастливы? Нет? Ну, пожалуйста, мама!
Будни рабочих суббот,
Яблоки в руки по полкилограмма,
Очередь, черный народ
В три оборота за мылом и чаем,
С ночи стояли когда...
Мама задумалась. Не отвечает.

Мне так казалось, что да.

Весь день малина по стеклу стучала веткой,
Невидимые письма плела под ветром.
Как жалко, не было чернил на самый кончик
Запечатлеть ее тревог игривый росчерк.

Так, несмотря на немоту и тайну знаков,
Упрямо ветка по стеклу скребла, однако.
А ветер яростно срывал с налету листья,
На грядке пугало шаталось, зубы стиснув.

А может статься, ветка мне судьбу черкала,
Что уготован день и час? Потом сначала...
А может, весточку принес восточный ветер?
Я крикнула в окно: «Ты кто?» Он не ответил.

Но вдруг тихонько в дом затек, гуднуло в трубах,
Провел ладонью по лицу и — чмокнул в губы.

Ко мне идет какой-то человек, —
 В заварке чайной мама разглядела.
 Допили чай, а там и день померк,
 Что ожидаьем теплился без дела.

Какой-то человек идет ко мне!
 Гроза утихла, высохла дорога.
 Но повторяется пророчество на дне
 Чаинками — доходчиво и строго.

И в сумеречной гулкой тишине
 Уже слышны шаги под самой дверью.
 Какой-то человек идет ко мне?
 Я все равно пророчеству не верю!..

Невелика загадка, с медный грош,
 Как ни крути, в копеечку не сложишь:
 Ведь это ты ко мне идешь, идешь, идешь,
 Но все никак приблизиться не можешь.

Когда вокруг так много смерти,
 что краски радости острее
 видны, и полной мерой меряешь
 существованье всех вещей,
 недвижим, воздух осторожно
 звучит, и голос уловить
 минувшего вполне возможно, —
 тогда, тогда захочешь жить.

Местные мы, оттуда.
Мама и я сама.
Блудною дочкой буду
Станции Кочкома.

Дочкой зовет корову
Бабушка. Все жива.
А на траве дворовой
Там до сих пор дрова.

Трепетная, в печурке
Парится на обед
Репа... Судьбы окурки!
Бабушки нет сто лет.

В память приг`ублю водки,
Адрес найду к утру.
Поиски и находки:
Rambler.собака.ru.

Только одну минуту
Станция Кочкома.
Станция по маршруту:
Память — зима — зима.

Прыгнуть? Ан духу мало.
Страшно-то, мама, ма!
Кажется, опоздала.
Станция Кочкома.

На кладбище в запущенных могилах
(Их больше там, чем на земле пребудет)
Те, кто меня отчаянно любили.

В живые корни прорастают люди,
Поэтому я так люблю растенья.
Безглазые, они способны видеть.
И может, их полуденные тени,
Игрой своей причудливые виды
В траве рождая, подавали знаки.
Безгласые, растенья говорили:
«Не плачь. Уже не больно им».
Не плакать?
Они меня отчаянно любили...

Какие красивые птицы
Сегодня меня навещали!
Пестры оперенья-рубахи,
Так весело мне верещали,

Что будут обновы и бусы,
Отыщется вскоре пропажа,
И к вечеру веник кургузый
Соцветьями брызнет, и даже

Что лето продлится до хлестких
Ноябрьских напористых ливней,
Что пряди седые в прическе —
Как травушке утренний иней...

Вороны картаво орали,
Усевшись гурьбой на заборе:
«Неправда, проклятые врали!
Не сбудется. Или поспорим?»

Осень, и сердце остыло,
будто закончилось что-то.
Так неожиданно, с тылу,
тошной тягучей зевотой
катит октябрь.

Не пугайся,
ведь ничего не случилось.
Просто отпетые галки
лету пророчат могилу.
В голос — бессовестно, нервно,
ведьмы под черной личиной...

В том-то и дело, наверно,
что ничего не случилось.

Солнце еще не достигло моей веранды,
Трепетный, не созрел золотистый полдень.
В смутном сомненьи проснулась сегодня рано,
Что-то такое нынче должна исполнить.

Розово-серый утренник тихо тает.
Как сговорившись, дружно молчат сороки,
Будто зажали клювом ночную тайну,
Что-то такое... Лягут простые строки

Стихотвореньем. Все, что сумела, птицы.
Для разговоров было чрезмерно счастья
Нынешним утром, вы уж меня простите.
Что-то такое в воздухе ощущалось.

Солнце еще не достигло моей веранды,
Кошка, скользя в траве, замерла тревожно.
Что-то такое она от меня скрывает,
Что человеческим сердцем увидеть сложно.

В одном городочке за стертым порожек —
Тропа в одуванчиках еле видна —
Гуляет старуха с собакой и кошкой,
Таковыми же старыми, как и она.

И верно случится, что вечной дорожкой
Кому-то однажды придется уйти —
Старухе, а может, собаке иль кошке.
Им, впрочем, туда все равно по пути.

Июнь. Одуванчики ветер калечит.
Улитка по стеблю свершает свой шаг.
И так быстротечен, так искренен вечер,
Что только бродить и внимать не дыша.

Сочатся минуты. Проявится ковшик
Над крышей, расшитый умелым крестом...
«Ну, милые, поздно», — собаке и кошке
Объявит старуха, вздохнет, а потом

Засов на воротах закроет получше,
В сарае пристроит пилу и топор.
Поклонится месяцу — даже за тучей.
И Богу — хотя он молчал до сих пор.

На даче, где-то ближе к сентябрю,
найду небрежно свернутым початком
среди дырявых маек, старых брюк
и не однажды штопанных перчаток —
простое одеяло. Пять заплат
на месте дыр, проеденных годами,
а в уголке так четко, аккуратно,
чернильная цифирь с тремя нулями
и очень скромный штампик: ББК —
приметой времени и лагерного быта.
Нет, шутка ли, среди дачного мирка
реликвия тюремная забыта!

Вот это одеяло до войны,
как мама рассказала, на канале
два зэка — интеллигентны, но страшны,
однажды на картошку обменяли.
«А после поколение не одно
детей под одеялом сны смотрело,
ты в том числе, ведь легкое оно.
Да штамп еще — особенное дело:
с таким клеймом его не украдут,
а нынче развелось ворья немало,
по дачам рыщут днем и ночью тут...»
И в тумбочку припрячет одеяло.
Спрошу без укоризны: «Слышишь, мам, —
наперекор окно расстрельно хлопнет.
— Зачем тащить по жизни этот хлам?»
«А как же, дочка, это чистый хлопок».

И вот, перевалив за сорок лет
земных утех и краха идеалов,
я узнаю, что от грядущих бед
нас матери спасали одеялом

советских интеллигентов из зэка,
что стоек оказался чистый хлопок
и просочился штамп наверняка
под кожу нам — потомкам не холопов,
а русских образованных людей,
которых власть не терпит изначально.
Мы жить могли бы вроде без затей,
да штампик жжет, мешает спать ночами.

...И мама меня ненавязчиво спросит
Почти мимоходом, да просто без дела,
Зачем я так ярко отбелила косы, —
Не в силах представить, что я поседела.

Мне бы — о! — стойкость бумаги,
бисерных строк равнодушие.
Большой не нужно отваги, да и терпенья не нужно
Больше бумаги терпенья, чтобы безропотно, тихо
Времени верному тленью мысли доверить.
Нехитрой
Этой науке забвенья мне бы теперь научиться,
Чтобы назавтра увидеть чистые лица-страницы!

Я научусь доить козу

Стихи украинского цикла

Составчик тронется. В окошке —
поля, забрызганные кровью
Трепещущих червонных маков,
ленивые стада коровьи,
Телега, пегая кобыла... Да неужели грянет лето
Ликующей шляхетной волей?
О Господи, за что мне это?
Помилуй мя сегодня, Боже.
Как пережить святые хаты,
Польнь и жаворонка в поле,
и хлеб — лучистый и богатый?
Потом вокзал земли чуть выше, хромой автобус...
Снова, снова
С великой жадностью глотаю
слова гортанной ридной мовы.
Неспешно распахнет калитку мне дворик —
беден, но приветлив.
И с непривычки долго-долго
не попаду щеколдой в петлю.

Я научусь доить козу.
Когда-нибудь.
Я обещаю.
И возле печки шею гнуть,
до крови драить пол дощатый.
Я научусь произносить:
йида, сокыра и крыныця,
И от рассвета до темна
в саду подсолнухом крениться.

Когда-нибудь я научусь
к обеду вылепить галушки,
На смальце шкварок припущу
к борщу, как любят все хохлушки.
Я полной пазухой телес
гордиться буду белых-белых,
Когда коханный человек
ко мне притронется несмело.

Меня коханный назовет любезно
не женой — дружиной.
Я научусь доить козу.
Когда-нибудь.
Не в этой жизни.

Петух поет. Уж Петр отрекся.
В хлеву промекает коза,
По-человечески увлекшись
Благую весть пересказать.

Петух поет. Затихнут мыши
В полноголосой тишине.
Калитка стукнет еле слышно,
Проступят знаки на стене.

И призраки былых трагедий
Растают в росчерке кустов.
Тревожно твякнет у соседей
Трезор с ободранным хвостом.

Сама собой соскочит пробка
С бутылки доброго вина.
И хмель дохнет невинно, робко...
Отрекся Петр. Его ль вина,

Что спит ребенок в сладкой неге
Неведенья?

Отрекся Петр.

Отзвездило.

Довлеет дневи
Забот его. Петух поет.

В дороге все без исключения
Покрыто золотистой пылью,
Танцующей в косом сеченье
Лучей над проседью полынной.

Дыханье знойное на коже
Оставит след случайный, грубый,
И тот же вечный прах дорожный
Осядет на сухие губы.

Дивлюсь заботам малой птахи.
Не жнет она, но знает дело...
Какой любви ты ждешь, из праха
Случайно слеplенное тело?

Здесь не глаза у женщин — очи.
Из рока в рок не жизнь — життя.
И так звучит молитва: Отче!
Мне не о чем просить тебя.

Уразумей мою ничемность
Перед Тобой. Даруй мне то,
Чего сама просить не смею
За леностью и суетой.

Молюсь открыто в сердце бедном.
Тебе ль не знать, что мне потребно?

Благоухающие дни.
 Безумные глаза пионов
 И стрекотание пилы,
 И сладко смокчущий котенок
 У матери под животом —
 Все чувственно, природе внемлет...

Глотая смерть открытым ртом,
 Серебряные рыбы немые.
 Бока исполнены икры
 У жертв обыденного пира.
 Но нас не трогает их крик
 Отчаянья, прощанья с миром.

Смеркается. С глубоким охом
 Расправит бабушка постель.
 Сегодня ей не то что плохо,
 Ей просто так всегда теперь.

Она меня в два раза старше.
 Близка ли ей моя хандра,
 Когда в два раза больше счастья
 Я вроде бы не добрала?

Она работала. Рабыла.
 Спешила времени вперед,
 Серпа и молота рабыня.

Как весь трудящийся народ,
 Счастливая процентом плана
 И тем, что выдали аванс,
 Что вышло фото дуже гарно
 Ее и в профиль, и анфас.

Она за целый век привыкла:
 Мир без нее не простоит.
 Я слышу книжную молитву,
 Что нынче бабушка творит:

«Дозволь мени спиваты гимны
 в Твоему царстви красоты!»
 И от себя: «Колы ж я сгину?
 Хиба еще помучишь Ты?»

Слова становятся невнятные,
 Бог вряд ли бабушку поймет.
 Нет, мелочным и непонятым
 Покажется мое нытье!

Да разве нам бывает плохо,
Каких чудес желать для нас,
Когда лицо приятно в профиль,
Но не противно и анфас?

Она обряд не соблюдает,
Она плотней закроет дверь,
Она не то что умирает,
Нет, это так всегда теперь.

Из Пааво Воутилайнена

Авторизованный перевод с финского

Тerve, Лев Толстой,
привет тебе, привет!
Вот и ты к платформе прибываешь.
В Пасила стою, тебя встречая.
Хотя вряд ли, вряд ли, дорогой,
твоего ответа я достоин.
Просто потому,
что в тот же миг
встречный поезд,
столь же суетливый,
увлечет меня к туманной цели.
Не дождусь вестей я из России,
так сказать, из первых уст.
Да ладно!
Мы с тобой когда-нибудь успеем
по душам потолковать неспешно,
что да как... В немые уши, Лева,
не метать же бисеру, ей-богу!

Здравствуй, Лев Толстой!
И до свиданья!

Любовь состоит в равновесье
законов физики, правда!
Законов природы тоже.
И только тогда,
без сомненья
и без исключенья,
если
прекраснодушье одного человека
равновелико печалям
и слабостям человека другого,
любовь состоится.

Если же плюс равновесье нарушит
и сам себя пересилит,
тогда любовь называется страстью,
каковая длится недолго.
Минусы соединиться не могут
и плюсы в сущности тоже —
вследствии законов природы.

Жаль, о законах любви
человечьей
до сих пор ничего не известно.

Сердце мое
ты растопишь однажды,
сердце мое...
Но ах!
Тут же сама ты растаешь
в ладонях комочком снега
и растворишься в дыхании зимы.

Как-то весной
ты, меня навешая,
сердце растопишь...
ах!
Тут же сама ты растаешь
звонкой холодной капелью
и ручейком убежишь от меня.

Летом придешь
на Ивана Купалу,
сердце растопишь...
Но ах!
Ветер вершинный игриво
подхватит искорку костерка
в бессонное поднебесье.

Осенью стылой
небо раскиснет
ливнем линиялым...
ах!
Ты мне пришьешь
приглашенья на свадьбу...

Сердце, сердце, молчи!

Благодарю за все твои посещения.
Вот тебе букет алых роз —
цветов пурпурной моей Карелии
и твоей Финляндии бело-сонной.

Ты охраняла
мой душевный покой
до последней минуты, Тапса.

Мог ли я знать,
что ты умираешь,
Тапса?

Ты сама, зная это,
охраняла
мой душевный покой
до последней минуты,
Тапса.
Ты даже сбежала
со двора,
чтоб не портить мне настроение
смертью,
чтоб для меня остаться
веселой подругой,
которая
в лихую годину
никогда не предаст
и протянет
лапу помощи,
Тапса.

Я догадался, что время
вот-вот остановится
для тебя,
Тапса,
когда ты не вернулась
в наш двор
через два часа,
выскользнув на минутку.
Твой приятель четвероногий
не позволил смерти настичь тебя,
Тапса,

на пути отступления,
по которому ты подалась,
собрав последние силы
для смерти.
Восточку он принес –
черный флажок хвоста,
устами своих хозяев
рассказал о твоей беде,
и ты смогла
уйти в небеса
прямо со своего
боевого поста
у калитки.

Прости меня, Тапса.
Встречай меня там,
когда сам я предстану
перед Петром и Павлом.

До встречи в Туонеле,
моя Тапса.

... ..
... ..

Из Стасе Недзинскене

Авторизованный перевод с литовского

Восхищенною душею
Ариана
Возвраще
Мен
... ..

Милости, а вы
привура и кощунств

Один из русских
Войно в Варшаве
уничтожит согра
телефону

Морис
серьезно

И ветер унесет слова любви,
И рук тепло холодный воздух примет.
И хочется кричать: живи, живи! —
Когда в конце осталось только имя

Твое. За ним — пронзительная боль
От ожидания, в общем, без исхода.
И на часах судьбы упругий ноль
Провалом в тишину иного рода.

И хочется нырнуть в манящий ноль,
Как в полыню оглохшего безвестья...
Я жизнь любила только за одно:
За краткий миг, когда мы были вместе.

Настанет сумрачный ноябрь. Потом погожий
В бессонницу ночей перетекает март,
Потом звенит апрель, — я только гость, прохожий.
Мой проводник двулик и под плащом горбат.

Как долго пилигрим, таинственный паломник
Под звездным небом, сам простой надежде рад,
Проществует со мной, застенчиво и скромно,
Скрывая под горбом груз будущих утрат?

Лодочка наша с волнами спорит.
С губ твоих робко пробую море.
Разве не слышишь шепот прибоя,
Полнящий сердце бедное болью?
Солнце ликует, но безутешно
Молится море — горестно, грешно.
Вслед повторяю, будто в дурмане:
Дарит любовь. И любовь отнимает.

Как время, убегая вдаль,
На фоне вечности бледнеет!
Простое слово «никогда»
Тебя спалит, но не согреет.

Ведь время — как большой огонь,
Нешадный и коварный. Отче,
Что примешь ты? Любовь и боль.
Две даты. Между ними — прочерк.

Ночь. В проулках гуляет чужак
Ветер. Тучек развеяна стая...
Только сердце безжизненно, как
На кольце остановка пустая.

Пыль на сером асфальте. Лучист
И прозрачен надежды осколок,
Как стекло, так доверчиво чист.
Сколько дней мне останется? Сколько?

Накатила отчаянья хмарь,
Как вином упиалась, — все мне мало.
Видно, бедного счастья фонарь
Где-то я в суете потеряла.

О, как давит век на плечи,
Бледен сад на старых фото.
Годы мчатся, время лечит...
Так, мельканье эпизодов —

Наша память. Глухо-глухо,
Как затертая пластинка,
Бледный сад шумит. На ухо
Просит дань любви постылой.

Знать хотя бы, что там завтра.
У кого спросить совета?
Годы мчатся. Смена кадров —
Скорость света, скорость света...

Предисловие 3

Не успевают яблоки созреть

Пепел 7
Женщина по имени Я 8
«Вы звоните не мне...» 9
Яблоки 10
«Нет, теперь впереди...» 11
Зеркало 12
Заговор 13
«Губы, розой распахнутые...» 14
«Там какое-то августа...» 15
«Два бокала «Кровавой Мэри»...» 16
«Взлететь. Заблудиться...» 17
На пороге Эдема 18
Три четверостишья 19
«Любви моей трепещущее тельце...» 20
Ранняя осень 21
«Вот и осень...» 22
«... И в искренность сентября...» 23
Еще я буду вспоминать 24
«Что остается? Осень...» 25
«Учит жить. Я ученая...» 26
«Где-то в памяти темной...» 27
«Не вспоминать те губы...» 28
«Бросил безумный кольцо...» 29
«Как я претерпела...» 30
«А на самом-то деле...» 31
«Там, где воды несет река...» 32
«Ну, и где твои руки...» 33
«Как будто жили вместе...» 34

Кажется, опоздала

«Мама вблизи не видит...» 37
«Мама, ответь...» 38

Ветреный день 39
«Ко мне идет какой-то человек...» 40
«Когда вокруг так много смерти...» 41
Станция Кочкома 42
«На кладбище в запущенных могилах...» 43
«Какие красивые птицы...» 44
«Осень, и сердце остыло...» 45
Что-то такое 46
Старуха 47
Дети одеяла 48
«И мама меня ненавязчиво спросит...» 50
«Мне бы - о! — стойкость бумаги...» 50

Я научусь доить козу

(стихи украинского цикла)

«Составчик тронется...» 53
Я научусь доить козу 54
Утро 55
«В дороге все без исключения...» 56
Молитва 57
«Благоухающие дни...» 58
Бабушка 59

Из Пааво Воутилайнена

(авторизованный перевод с финского)

Льву Толстому 63
Равновесье любви 64
Снегурочка моего сердца 65
На смерть четвероногой подруги Тапсы 66

Из Стасе Недзинскене

(авторизованный перевод с литовского)

В объятьях памяти 71
Двуликое время 72
На море 73
Судьба 74
В доме отчаянья 75

Яна ЖЕМОЙТЕЛИТЕ

НЕ УСПЕВАЮТ ЯБЛОКИ СОЗРЕТЬ

стихи

Публикуется в авторской редакции

Дизайн и верстка
Виталий Наконечный

Корректор
Людмила Шананина

Ж 53 Жемойтель, Яна Леонардовна
Не успевают яблоки созреть: стихи /
Жемойтели Яна. – Петрозаводск:
Северное сияние, 2010. – 80 с.

В поэзии, как и в прозе, Яна Жемойтелите ни на кого не похожа. Лирический дар ее уникален. И потому стихи ее сразу привлекли внимание читающей публики. Они уже увидели свет в журналах «Север» и «Светля», «Российский колокол» (Москва), в альманахе «Поэзия-2005» (Москва), вошли в антологию поэзии Карелии «Дерево песен».

ISBN 978-5-904478-08-7

Подписано в печать
Формат Печать офсетная
Гарнитура Palatino. Усл.печ.л.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательство
Союза молодых писателей «Северное сияние»

Отпечатано в типографии ООО «ЛОСВЕЙДОН».
Свякт-Петербург, ул. Цветочная, 7.